

ДВЕ ФИГУРЫ В ТУМАНЕ

Парадоксальный дрейф Лужкова и Лебеда

Предсказать, какая ситуация возникнет у нас на президентских выборах 2000 г., сейчас принципиально невозможно. И не только потому, что у «партии власти» нет определенного и признанного преемника Ельцину, а что будет с самим Ельциным к 2000 г., знает один Бог. Дело еще и в том, что за недолгую постсоветскую историю основные политические силы России подверглись колоссальной эрозии. Сейчас называть нашу «партию власти» демократами даже смешно, а коммунисты — уже не только не коммунисты, но и не партия протеста и реакции. Это значит, что исчезает главное политическое размежевание конца 80—90-х гг. Утратив идейную и поведенческую определенность, обе наши основные политические коалиции утрачивают и способность вызывать лояльность, и мобилизовывать массы (красноярские выборы это прекрасно продемонстрировали).

Между тем никаких новых, ясных и четких идеологий и размежеваний у нас нет. Большинство политиков свободно дрейфуют от настроения к настроению и от группировки к группировке без каких-либо мучений и тягостных раздумий. Но поскольку выборы все-таки будут, значит, будут и какие-то размежевания. Все равно периферия будет голосовать иначе, чем Москва, деревня — иначе, чем город, богатые — иначе, чем бедные, и т. д. Разные интересы, настроения и обрывки идей все равно будут сбиваться в какие-то комбинации и «конstellляции» и во втором туре будут бороться представители (лидеры, символы) каких-то двух больших блоков. Кто же это может быть и какие это могут быть блоки — «конstellляции»? По-настоящему разглядеть их еще нельзя. Будущее — в тумане. Но в этом тумане все-таки кто-то и что-то мелькает и какие-то звуки из него доносятся. И отчетливее всего мелькает в нем кепка московского мэра, а яснее всего слышится генеральский рык красноярского губернатора. Обе эти фигуры — знакомые и даже привычные. И поэтому, может быть, мы до конца не осознаем, что фигуры эти — странные, в традиционную классификацию не укладываемые и принадлежащие уже новой эпохе. Попробуем разглядеть их.

Юрий Лужков — энергичный и популярный мэр, железной рукой правящий в городе, который не только столица России, но и основной оплот, главный бастион российского антикоммунизма, всех демократических, космополитических и прорыночных сил. И вроде бы такой человек должен быть фигурой идеологически вполне ясной и определенной. Он и сделал достаточно много, чтобы утвердить эту определенность. Он честно служил Ельцину, помог ему в трудном 1993 г. расправиться с защитниками парламента, ходил в синагогу и даже надевал кипу. Но одновременно с этим он все больше сближается с «коммуно-патриотами», борется с проникающими в Москву кавказцами, подчеркивает свою «церковность», ругает Чубайса, хочет вернуть Крым или хотя бы Севастополь, дружит с Лукашенко... Как могла сложиться такая причудливая комбинация?

Возникновение ее, может быть, чисто случайно и ситуативно. Мэру надо построить что-нибудь грандиозное, и он строит храм Христа Спасителя. Это, естественно, нравится. Церкви и патриотам, хотя вполне приветствуется и демократами. Мэр борется с кавказцами, и опять-таки это нравится патриотам и не

пугает демократов (знаком западнического либерализма для них является отношение к евреям, а не к азербайджанцам). Мэр начинает понимать (наверное, правильнее сказать — ощущать), что, оказывается, можно приобретать популярность в коммуно-патриотических кругах, не теряя демократической московской базы. За первыми шагами идут другие, причем действия его главного соперника, Лебеда, ускоряют дрейф Лужкова. Когда Лебедь заключает Хасавьюртское соглашение, Лужков его, естественно, осуждает. Дрейфуя, Лужков все больше понимает, что дрейф — в правильном направлении и может вынести его к верховной власти.

Застолбив за собой поддержку Москвы, что очень важно, но само по себе отнюдь не гарантирует победы, Лужков смог выйти далеко за пределы узкого «западнического» электората. Он смог создать фантастическую комбинацию, при которой его одновременно поддерживают Геннадий Хазанов и люди, группирующиеся вокруг газеты «Завтра». Безусловно, это очень мощная комбинация. Но если бы она чудом возникла раньше, когда она была невозможна, она гарантировала бы успех. Сейчас же, когда она не только возможна, но практически сложилась, успеха она уже не гарантирует. Ибо возникла и другая, такая же странная, но не менее мощная группировка.

Комбинация сил, образов и интересов, складывающаяся вокруг Лебеда, — почти зеркальное отражение лужковской. Эти комбинации, очевидно, в какой-то мере и возникали как зеркальные отражения друг друга. Если Лебедь установил мир в Чечне, Лужков его осуждает, если Лужков любит Лукашенко, Лебедь его любить перестает. Если основная база Лужкова — элитарная, богатая, космополитическая Москва, то база Лебеда — периферия и социальные низы, тот протестный электорат, который еще недавно «по праву» принадлежал коммунистам и жириновцам. Но связь Лебеда с этим электоратом — еще более «символическая», чем связь Лужкова — с московским. Она базируется не на идеологии, а на том, что Лебедь — генерал, на его чисто внешних данных, имидже мужества и честности, на том, что он — не из «московской тусовки». В идеологии же Лебеда (если по отношению к нему, как и к Лужкову, можно говорить об идеологии) — очень сильный либеральный и западнический компонент. Не случайно его привечают в Америке и в Европе, где он более популярен, чем московский мэр.

Генерал — вождь русских народных низов, тяготеющий к западному либерализму, — нонсенс, но ничуть не больший, чем мэр космополитической Москвы, поддерживаемый коммунистами. Движение Лебеда от низовой и протестной электоральной базы к противоположному, элитарно-демократическому лагерю, еще проще, чем «встречное» движение Лужкова. Как Лужков, не теряя своей московской базы, сможет захватить часть протестного электората, так и Лебедь сможет, не теряя своей базы, захватить кусок электората демократов. Очень вероятно, что мы присутствуем при зарождении двух мощных комбинаций символов, образов и групп интересов, крайне эклектичных, но, возможно, в перспективе довольно устойчивых. Хорошо это или плохо?

В обеих фигурах и создаваемых ими блоках есть свои опасные черты. Лужков, конечно, попытается править Россией так же жестко, как он правит в Москве, но Россия — не Москва, и распространить на нее столичный образ правления не удастся. Также маловероятно, что он устроит какую-нибудь войну, например из-за Крыма. Скорее всего, он просто попугает наших соседей, усилив их стремление дистанцироваться от России и попасть под крыло НАТО. Лебедь тоже вполне может, придя к власти, попытаться компенсировать неясность программы рыком и демонстрацией крутизны. Но и превращение Лебеда, и превращение Лужкова в

настоящих диктаторов — маловероятно. И дело здесь не в их личных качествах, а в том, что в стране нет необходимых для настоящей диктатуры ресурсов. Таким образом, опасности от обеих этих фигур не так уж велики. Зато плюсы от возникновения двух таких блоков — очевидны. Ситуация Ельцина, которому «не может быть альтернативы», — это ситуация застоя, постепенного разложения общества и государства. Бесконтрольная (потому что безальтернативная) центральная власть достаточно сильна, чтобы измучить страну, но недостаточно — чтобы установить какой-то порядок. Этот распад развивается параллельно с эрозией противостояния «демократы — коммунисты», ибо это противостояние в какой-то мере скрепляло общество (и на Сахалине, и в Калининграде — свои коммунисты и свои демократы). Заменить же идейные скрепы силовыми — нереально. Силы для этого исчезают параллельно с исчезновением идеологий.

Между тем возникновение двух блоков, у которых примерно равные шансы на победу, причем ни для одного из них поражение не будет тотальной катастрофой, может стать началом движения вперед, утверждения механизмов демократической ротации власти и появления новых интегрирующих сил, новой заинтересованности всех в своей стране и в центральной власти. Может быть, сейчас зарождается наш российский, весьма своеобразный вариант «двухпартийное», который в конце концов вытащит страну из болота.

О том, куда и почему «дрейфует»- Юрий ЛУЖКОВ, рассказывает читателям «Общей газеты»- он сам

«ОГ»: Недавно вы дали большое интервью газете «Завтра». Честно говоря, это многих удивило. Что общего у Лужкова с людьми, исповедующими антилиберальную, националистическую идеологию? Ю. Л.: Я не давал интервью газете «Завтра». Хотя то, что в этой публикации появилось от моего имени, — это действительно мои слова, я от них не отказываюсь. Дело было на похоронах генерала Рохлина, я с уважением относился к этому мужественному человеку и пошел проводить его в последний путь, в комнате, где собрались участвовавшие в организации похорон — там были и Зюганов, и Рыжков, и много разного народу, — ко мне подошел журналист, с которым я не был знаком. Он завел разговор о Рохлине, потом начал задавать другие вопросы. Я не бука и не отворачиваюсь от человека, если он интересуется нормальными вещами. Потом журналист представился, это был заместитель главного редактора газеты «Завтра» — ну и что? Если бы он переврал мои слова, приписал мне то, чего я не говорил, я бы, разумеется, не стерпел. А так ничего ненормального я в этой публикации не увидел. Я отвечаю за свои слова, а не за идеологию того или иного издания. Некоторые газеты, идеология которых мне, может быть, больше нравится, пишут обо мне столько всякой ерунды — ошалеть можно от всех этих домыслов, предположений, оценок...

«ОГ»; Чем вы объясняете появление этих домыслов?

Ю. Л.: По-видимому, обостряется политическая борьба, ибо политическое состояние общества — производное от экономической ситуации, а в экономике у нас сейчас положение довольно острое. В некоторых богатых странах политики заняты проблемами вроде «зиппергейта», у наших политиков — другие заботы. Кого-то, например, занимает персона Лужкова: какой он веры, с кем он водит дружбу, чего от него ждать... Интересно, что все эти гадания и прогнозы исходят из предположения, будто Лужков ведет предвыборную президентскую кампанию. А я когда-нибудь заявлял, что буду баллотироваться в президенты? Никогда и нигде! Но кто-то меня уже «назначил» кандидатом и теперь изучает, какой Лужков — левый, правый?.. Я скажу совершенно определенно: меня вообще не

волнуют эти ярлыки, я их не воспринимаю. У меня, например, хорошие отношения с Явлинским — это какой «уклон»? Я бы о себе сказал, что я — ничей. Я поступаю так, как мне представляется разумным и справедливым. Говорят, что мне симпатизирует левая оппозиция. Не знаю, никакого взаимодействия у московского правительства с этой оппозицией нет, но если левым нравится то, что мы делаем по социальной поддержке населения, что в Москве нет безработицы, что мы вовремя платим пенсии и зарплату, то я не понимаю, что здесь плохого.

«ОГ»: Вам предложили свои услуги как возможному кандидату в президенты такие правые организации, как бабуринский РОС, «Держава» Руцкого, Конгресс русских общин. Готовы ли вы воспользоваться их поддержкой?

Ю. Л.: Я нигде не читал официального заявления этих организаций в мою поддержку. И лично мне никто из названных господ ничего такого не предлагал, ни с кем из них мы не говорили на эту тему. Повторяю, я не выдвигался в президенты, и мне бессмысленно делать такие предложения. Возможно, эти люди ищут фигуру, на которую они хотели бы сделать ставку в избирательной кампании, наверное, никто из выдвинувшихся кандидатов их не устраивает, но это их трудности. Кроме того, я не могу исключить обыкновенной политической провокации. Специально придумали этот «союз в поддержку Лужкова», чтобы показать: смотрите, какие нехорошие силы группируются вокруг московского мэра.

«ОГ»: В последнее время в политических кулуарах начали говорить о сближении Лужкова с коммунистами, о формировании предвыборного альянса Лужков—Зюганов. Считаете ли вы возможным такой союз?

Ю. Л.: Я сторонник рыночной экономики и демократических свобод, у коммунистов — своя система ценностей. Блок Лужков—Зюганов — это из серии тех же домыслов. В действительности не было даже намека на такого рода взаимодействие, не было никаких встреч, переговоров по этому поводу. И не намечается. Да, мы встречаемся с Геннадием Андреевичем на различных общественных мероприятиях, я, в общем, нормально, ровно отношусь к нему. Много в его оценках справедливо, многое из того, что он вынужден говорить под давлением ортодоксальной части КПРФ, абсолютно неприемлемо для меня, но в любом случае мы общаемся с ним достаточно уважительно. Однако никаких контактов по поводу блокирования, создания политического альянса между нами не было. А у тех, кто распространяет на этот счет слухи, по-видимому, есть свой расчет. Я отношусь к этому спокойно, у меня уже выработался стойкий иммунитет к таким вещам.